Джон перевернулся на другой бок, натягивая на себя одеяло. Ночная рубашка прилипла к спине от пота. К этому времени он уже привык к теплу в своих покоях, исходившему от огня в камине, который он приказал слугам никогда не тушить, и к дополнительному теплу, исходившему, казалось, от самих четырех камней. Холод Севера теперь был скорее воспоминанием, чем чем-либо другим, а жара беспокоила его гораздо меньше, чем он ожидал. Он подозревал, что вовсе не из-за жары он обливался потом и не мог сомкнуть глаз. Это снова были его нервы, осознание того, что завтра вечером в это же время он будет в свадебных покоях со своей Леди-женой, и, несмотря на то, что дядя Бенджен сказал ему, он не имел ни малейшего представления, что с ней делать. Это были мысли о произнесении клятвы, которая сохранится до его последнего дня, страх, что если он сделает что-то не так, заставит ее невзлюбить его, то несчастье может быть длительным для них обоих. Одна только мысль заставляла его чувствовать его боль в животе.

Он снова перевернулся, на этот раз остался лежать на спине и уставился в потолок, чувствуя, что окончательно проснулся. Ему просто хотелось уснуть. Тогда, по крайней мере на какое-то время, ему не придется думать ни о чем подобном, и время пройдет быстрее. Как бы сильно он ни боялся завтрашнего дня, он также не мог дождаться, чтобы просто убрать его с дороги, убрать всех этих незнакомцев с его острова и увидеть, как жизнь возвращается к чему-то вроде нормальной, независимо от того, как это будет выглядеть в конечном итоге. Кроме того, он не хотел быть усталым и еще более несчастным в день собственной свадьбы.

Сначала он был так поглощен своими заботами, что даже не услышал стука в дверь. Затем она пробилась сквозь грязь его разума, и он вскочил на кровати, резко втягивая воздух, когда шок пронзил его тело. "Кто там?" Спросил он.

Дверь распахнулась, и дядя Бенджен шагнул внутрь. Несмотря на то, что Бенджен, в отличие от Джона, не привык к южному климату, он был одет в Северную кожу и меха и выглядел скорее так, как Джон помнил его в детстве, чем так, как он привык видеть его за последние три года. "Одевайся", - сказал дядя Бенджен, прежде чем вышел и закрыл за собой дверь.

Джон нахмурился, не понимая, что происходит. И все же это был несомненно отданный приказ, а дядя Бенджен в последнее время почти не командовал им. Ему лучше подчиниться. И честно говоря, он испытал более чем небольшое облегчение при мысли, что ему больше не придется ворочаться с боку на бок, пока сон все еще ускользал бы от него. Он выбрался из сырой постели и, слегка спотыкаясь, направился по полу к своему сундуку. После недолгого раздумья он докопался до самого дна и достал свой собственный меховой плащ, следуя примеру дяди и одеваясь как настоящий Северянин впервые за много лет.

Он вышел за дверь и увидел, что его ждет не только дядя Бенджен, но и отец с братом Роббом, который тоже вытирал сон с глаз. Джон приподнял бровь, глядя на Робба, но в ответ лишь пожал плечами. Казалось, что они оба остались в неведении.

Дядя Бенджен первым прошел по коридорам и вышел на прохладный ночной воздух. По заросшему саду гулял легкий ветерок, и Джон глубоко вздохнул, все еще не остывший от беспокойного отдыха и меха, накинутого на плечи. Даже легкий дождь приносил облегчение. Они пробирались сквозь заросли ежевики и кустарника, цепляясь плащами за колючки старых, неухоженных кустов роз, пока наконец не добрались до Богорощи. Они миновали дубы и остановились перед маленьким чардревом с его безупречной корой. Джон знал, что оно должно было служить сердцем рощи, но он никогда не ощущал от него никакого присутствия, никогда не чувствовал того укрытия и покоя, которые возникали у него с родительским деревом в Винтерфелле. Это не мешало ему приходить в Богорощу, но чаще всего в эти дни он чувствовал только печаль и пустоту.

"Со времен Брандона Строителя", - сказал его отец, наконец нарушив долгое молчание, "каждый брак Старков был засвидетельствован Старыми Богами". Джон удивился этому. Судя по тому, что он слышал, его отец женился на леди Кейтилин в Септе в Риверране, но тогда он полагал, что не исключено, что в Богороще тоже была частная церемония, подобная той, что запланирована для него завтра. "Ты не должен быть исключением, Джон", - продолжил Нед Старк, протягивая руку и слегка сжимая плечо Джона, что заставило его почувствовать себя гораздо более уверенным, чем он хотел бы признать. "Но я боюсь, что без глаз на этом дереве, Боги вообще ничего не увидят".

Джон проглотил внезапную боль, которую почувствовал при этих словах. "Так почему же мы здесь?" Спросил он. Он хотел бы, чтобы его голос звучал не так хрипло, но в горле у него уже несколько дней стоял ком.

"Мы хотим дать им глаза", - сказал дядя Бенджен.

"Я думал, что Дети Леса вырезают лица на деревьях", - возразил Робб.

"Мы - кровь Первых Людей", - сказал дядя Бенджен. "Но если верить легенде, в нас тоже есть несколько капель крови Детей". Он немного помолчал. "Я понятия не имею, сработает ли это, но мы должны хотя бы попытаться".

Отец Джона ничего не сказал, и Джон прекрасно знал, что это означает, что он согласен и ему нечего добавить к сказанному. Вместо этого Нед Старк вытащил кинжал из ножен на боку, о существовании которых Джон даже не подозревал. Металл блестел в лунном свете, и Джону потребовалось немало времени, чтобы понять, что он сделан не из стали, а из бронзы и железа. Клинок снова исчез, когда отец сжал его в кулаке и резко опустил вниз. Когда бронза и железо снова стали видны, их блеск потускнел от крови. Все еще молча, Нед Старк передал клинок Бенджену Старку, который повторил движение, прежде чем передал его Роббу. Робб долго колебался, сжимая клинок в кулаке, затаив дыхание и с выражением тревоги на лице. Когда он порезал руку, Джон поморщился, хотя видел уже раны на тренировочном дворе, но даже тогда все было по-другому.

Робб передал кинжал Джону, и тот не колебался ни секунды. Он полагал, что так бы и случилось раньше, но теперь он уже привык проливать свою собственную кровь, руководствуясь своими снами, скармливая капли камням, которые даже сейчас лежали в его камине. Он опустил кинжал, добавив свою собственную кровь к крови остальных. Он хотел вернуть кинжал отцу, но вместо того, чтобы взять его, Нед Старк положил руку Робба на руку Джона, потом руку Бенджена, потом свою собственную. Затем он толкнул кинжал, и их соединенные руки прижались к стволу дерева.

Джон никогда не испытывал ничего подобного. Лезвие скользнуло по дереву, как будто это было теплое масло. Казалось, что-то направляет их руки. Никто не толкал руку Джона. Никакого давления не было. Но кинжал все равно двигался. И вместо маленьких кусочков дерева под их руками, казалось, отваливались целые куски. Кинжал, казалось, на мгновение приподнялся, прежде чем вонзился куда-то еще, и снова, а затем, каким-то образом, Джон понял, что они закончили. Почти одновременно они отступили назад, и Джон посмотрел на дерево, чтобы увидеть лицо, настолько сильно отличающееся от того, что было в Винтерфелле, что у него перехватило дыхание. Оно уже плакало красным соком, но в отличие от сердца-дерева, с которым он вырос, это дерево казалось счастливым. Улыбающимся. Даже ухмыляющимся. Глаза, несмотря на слезы, смотрели с доброжелательностью.

Бенджен громко сглотнул.

Отец Джона ахнул. "Смеющееся дерево", - выдохнул он. Его рука внезапно обвилась вокруг плеча Джона и крепко прижала его к себе. "Клянусь Богами".

Джон взглянул на Робба, который выглядел таким же непонимающим, как и он сам, но все же Джон был совершенно уверен, что они оба чувствовали тяжесть момента, чувствовали, как это истинное присутствие просачивается в Богорощу, чувствовали, как она становится настоящей Богорощей. Умиротворение, о котором он почти забыл, охватило его, и внезапно он пошатнулся, совершенно обессиленный. Рука отца крепче сжалась вокруг него, и тогда он почувствовал, что парит в воздухе только от того, что прижат к груди Неда, и был пронесен через Богорощу. "Пойдем, парень", - мягко сказал отец. "Тебе пора немного поспать".

День свадьбы Джона пролетел почти невыносимо быстро. Сначала были клятвы перед смеющегося сердца-дерева, а затем гораздо более сложная церемония в Септе, где он пытался, но потерпел неудачу и снова попытался произнести свои клятвы должным образом.

Все, что он помнил о пиршестве, это тугой узел в животе, который вызывал у него тошноту, когда он пытался есть, и заставлял его думать, что его вырвет, когда он попробует выпить свой Золотой Арбор. Он делал все возможное, чтобы танцевать, и, вероятно, сломал ноги своей невесты без всякой надежды на починку. Когда их позвали в брачное ложе, он старался не смотреть никому в глаза, чувствуя, как на его лице появляется румянец. Боги, он не мог поверить, что делает это, не мог поверить, что все, кто сейчас собрался в Драконьем Камне, узнают об этом. Пока Леди Тирелл собирались вокруг него, дергая за одежду, он едва мог дышать.

Его поместили в комнату для новобрачных, и он мог только вообразить, какое зрелище представлял собой, раздетый до нижнего белья, с трудом дышащий, с глазами, вероятно, дикими от паники, которая заставляла его сердце колотиться, а руки дрожать.

Маргери внезапно появилась там, одетая только в свою сорочку и мелкое белье, и такая же красивая, как и в своих изысканных платьях. Она протянула руку, провела ладонью по его щеке, и у Джона перехватило дыхание. Он не мог не чувствовать себя ничтожным перед ней, недостойным. И снова все, чего он хотел, это исчезнуть в тени, но деваться было некуда. "Давай", - сказала она, её голос был мягкий, когда она потянула его к кровати.

Как она могла быть такой храброй? И как же так получилось, что он не мог найти в себе того же самого? Тем не менее, он позволил ей притянуть себя к ней, забраться на кровать и прижаться ближе, пока он не навис над ней, ее маленькая рука на его затылке притянула его лицо вниз. А потом он целовал ее, или она целовала его, и все было совсем не так, как в Богороще или в Септе. Это заставило какое-то живое пламя вспыхнуть в глубине его живота, заставило его руки задрожать от чего-то большего, чем просто страх.

Он понял, что хочет прикоснуться к ней, но не знал, как это сделать, не знал, позволит ли она ему или даже будет ли это правильно. И если он сделает что-то не так, ему придется жить с ее презрением до конца своих дней. Он понял, что не осмелится сделать ничего большего, чем продолжать целовать ее, и, клянусь Богами, он почти думал, что сможет делать это в течение нескольких дней, не уставая от этого. Ее пальцы прошлись по его волосам, и он не смог удержаться от стона. Дрожь пробежала у него по спине, когда он прервал их поцелуй, задыхаясь, он даже не мог сказать, что ему не хватает воздуха.

Через несколько мгновений она снова потянула его вниз. Он почувствовал вкус вина на ее губах и сладость десертов, которые были поданы на банкете. Он хотел сказать ей, что не знает,

как это сделать, хотел сказать ей, что им не нужно делать это сегодня вечером, что они могут подождать, как и большинство пар, которые женятся так же рано, как и они. Прежде чем он успел это сделать, его нижнее белье каким-то образом оказалось спущенным до бедер, и он понял, что на ней ничего не было, несмотря на его предположения.

Именно она толкнула его поясницу, и внезапно все, что он почувствовал, это тугой, давящий жар. Она издала болезненный вздох, и Джон изо всех сил старался не шевелиться, чтобы убедиться, что она не пострадала, но голова у него кружилась, и он не мог вспомнить, как думать, как вообще что-то делать.

Потребовалось, наверное, пять толчков, прежде чем он с облегчением вздохнул, прижавшись к шелковистой коже ее шеи. Ее пальцы все еще рассеянно гладили его волосы, и Джон сразу же почувствовал, как все его тело растаяло от большего удовольствия, чем он мог себе представить, и унижения, которое заставило его захотеть умереть. Ему хотелось откатиться в сторону, остаться одному, но она крепко держала его. Он мог бы легко вырваться, но уже достаточно опозорился за одну ночь. Горло почти болезненно сжалось, он спрятал лицо в изгибе ее шеи и позволил ей обнимать себя, пока не провалился в тревожный сон.

http://tl.rulate.ru/book/40965/904132